

А. С. Ходнев

Первая мировая война: уроки истории

Первая мировая война изменила мир, и многие ее последствия все еще оказывают влияние на сегодняшнюю повседневность и глобальные отношения. Политики не учитывали, что в конце XIX – начале XX в. мир уже прошел эпоху первой фазы экономической глобализации. Эти перемены в экономике стали причиной долгой войны с большим количеством жертв. Росту мировой экономики и взаимной зависимости стран явно не соответствовали существовавшие политические системы государств, а также международные структуры. Глобальных или региональных многосторонних институтов регулирования международной безопасности в 1914 г. не существовало. Лидеры европейских стран принимали самые жесткие варианты решения кризиса. Главные тренды в историографии Первой мировой войны были направлены от исследований военного опыта и дипломатических событий в сторону социальной истории и антропологические проблемы Великой войны. Концепция тотальной войны остается важным и полезным инструментом изучения Первой мировой войны. В памяти обычных людей война постепенно стиралась после ухода из жизни поколений участников события. Масштабные мероприятия, посвященные столетию Первой мировой помогают изменить контекст коллективной памяти и публичной истории в России.

Ключевые слова: Первая мировая война, глобализация, индустриализация, многосторонняя дипломатия, Гаагские конференции мира, тотальная война, историческая память, коллективная и индивидуальная память.

А. S. Khodnev

World War I: Lessons of History

The First World War changed the world and many of its consequences still affect today's daily and global relations. Politicians did not take into account that in the late XIX – in the early XX centuries the world had already passed the first phase of the era of economic globalization. These changes in the economy led to a long war with many casualties. The existing political system of states, as well as international organizations did not match to the global economic growth and interdependence of the countries. Global or regional multilateral institutions regulating international security did not exist in 1914. European leaders took the toughest solutions to the crisis. Main trends in the historiography of the First World War were directed from studies of military experience and diplomatic events to the direction of social history and anthropological problems of the Great War. The concept of the total war remains an important and useful tool to study the First World War. In the memory of ordinary people the war was gradually erased after the death of generations of participants of the events. The large-scale events, dedicated to the centennial of the First World help to change the context of the collective memory and public history in Russia.

Keywords: the First World War, globalization, industrialization, multilateral diplomacy, the Hague Peace Conferences, total war, historical memory, collective and individual memory.

Столетие начала Первой мировой войны широко отмечается в 2014 г. во многих странах мира. Реализуются государственные программы, посвященные этому юбилею. Подключены серьезные государственные институты, известные политики дают интервью, ученые-историки пишут книги и статьи. Преобладающее направление новых публикаций – поиск особенностей происхождения войны, ее влияния на глобальные процессы в XX в. и исторической памяти.

Война открыла новую эпоху

«Убили, значит, Фердинанда-то нашего, – сказала Швейку его служанка.

Швейк несколько лет тому назад, после того как медицинская комиссия признала его идиотом, ушел с военной службы и теперь промышлял продажей собак, безобразных убудков, которым он сочинял фальшивые родословные.

Кроме того, он страдал ревматизмом и в настоящий момент растирал себе колени оподельдоком.

– Какого Фердинанда, пани Мюллерова? – спросил Швейк, не переставая массировать колени. – Я знаю двух Фердинандов. Один служит у фармацевта Пруши. Как-то раз по ошибке он выпил у него бутылку жидкости для ращения волос; а еще есть Фердинанд Кокошка,

тот, что собирает собачье дерьмо. Обоих ни чуточки не жалко.

– Нет, эрцгерцога Фердинанда, сударь, убили. Того, что жил в Конопиште, того толстого, набожного...

– Иисус Мария! – вскричал Швейк. – Вот-те на! А где это с господином эрцгерцогом приключилось?

– В Сараеве его уколошили, сударь. Из револьвера. Ехал он со своей эрцгерцогиней в автомобиле...» [1, с. 4–5], – так начинаются приключения всем известного солдата австро-венгерской армии времен Первой мировой войны в романе Я. Гашека.

Убийство в Сараеве эрцгерцога австрийского Франца-Фердинанда стало поводом к войне, которая по масштабам последствий превзошла все предшествовавшие конфликты. Иронический и даже карикатурный характер приведенного выше отрывка заключается в двух моментах. Во-первых, Франц-Фердинанд вошел в историю как некая «мишень», а не как живой человек и личность. Во-вторых, по словам Пола Фуссела, «каждая война являет собой иронию, потому что война оказывается хуже, чем ожидали» [3, р. 7–8]. Из-за убийства двух человек в Сараеве в итоге войны погибли от 10 до 12,5 миллионов.

Война изменила мир. Мир в глобальном понимании, и мир обычного человека, маленького героя, «не завоевавшего себе славу Наполеона», как бравый солдат

Швейк, был опрокинут. Имеются все основания утверждать, что мы все еще живем в мире, который и в глобальном отношении, и во многих повседневных деталях был создан Первой мировой войной.

Первые недели военных действий показали, что война в Европе, центре цивилизованного мира, будет долгой, кровопролитной. Многим современникам представлялось, что Европа устремилась к саморазрушению.

Кровопролитные сражения Первой мировой войны, произошедшие в Европе, словно предсказывавшие, что «прекрасная эпоха» (*Belle Epoque*) закончилась навсегда, заставили уже в 1915 г. многих политиков задуматься о новой конфигурации международных отношений и инструментах внешней политики, которые могли бы послужить гарантией от повторения трагических событий, быстро перераставших в конфликты. В Англии, Франции, Германии и особенно в Австро-Венгрии заговорили об окончании эпохи стабильности.

Практически никто из политиков не учитывал в конце XIX – начале XX в., что мир уже прошел эпоху первой фазы экономической глобализации, появились первые глобальные сети торговых путей, железных дорог и мощное промышленное производство в целом ряде стран. Иными словами, главные державы, участвовавшие в войне, прошли фазу индустриализации. Это предопределило длительный характер конфликта. Государства смогли организовать производство всего, что было необходимо для войны, в огромных масштабах. Конвенциональные войны XVIII–XIX в. заканчивались быстро, когда прекращалось снабжение армий.

Росту мировой экономики и взаимной зависимости стран явно не соответствовали многие существовавшие политические системы государств, а также международные институты. Все эти процессы предвещали длительную и кровопролитную войну. Именно такой конфликт и был развязан сто лет назад в Европе.

Убийство наследника австрийского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда, событие, о котором рассказала служанка Швейку, случилось 28 июня 1914 г. В течение июля разразился острейший кризис, подготовленный всеми длительными трендами развития Европы в конце XIX – начале XX в.: враждой между Францией и Германией из-за Эльзаса и Лотарингии после войны 1870–1871 гг., противоречиями между Британией и Германией, ростом интересов Российской империи в Турции и в отношении Балканского региона и проливов, противоречиями между европейскими державами в колониальном мире, складыванием военных блоков и коалиций в Европе. Никто не соглашался на переговоры, хотя главные действующие лица и коронованные особы были родственниками: Николай II, Георг V, Вильгельм II. Никто не поднял трубку телефона, никто не отправил телеграмму. Правда, Николай II и Георг V, как выяснилось позднее, предлагали перенести решение кризиса на Гаагскую конференцию 1915 г. Но это было сделано путем передачи секретных писем, на которые по понятным причинам затянули с ответом в Вене и Берлине.

Главный урок июльского кризиса 1914 г., приведшего к мировому конфликту, – это отсутствие желания вести переговоры, и стремление подавляющего большинства

лидеров государств, политических деятелей и правительств к использованию военных мер.

Европа в 2013–2014 гг. увлечена чтением книги историка, профессор Кембриджского университета Кристофера Кларка «Лунатики. Как Европа вступила в войну в 1914» (2013) [2], в которой весьма подробно, почти на семи сотнях страниц, анализируется странное поведение летом 1914 г. власть предержащих в главных тогда европейских странах – «концерте Европы». Наблюдается довольно редкое явление, когда серьезный научный труд К. Кларка стал бестселлером на рынке, словно подтверждая догадки историков, что историю можно «продавать». Реализации книги побили многие рекорды, и к весне 2014 г. в одной только Германии было продано двести тысяч копий [4, р. 2]. Естественно, это свидетельствует о том, что история Первой мировой войны и ее происхождение имеет значение, и она до сих пор волнует наших современников. Главные выводы исторического анализа К. Кларка заключаются в том, что в борьбе за мировое господство *все лидеры*, принимавшие роковые решения в июле 1914 г., действовали как лунатики, они не смогли предвидеть тяжелых последствий соскальзывания к войне. К. Кларк, как и подавляющее большинство современных авторов, писавших о пяти трагических неделях кануна Первой мировой войны, подчеркивает ошибки правительств, правящих элит и династий европейских стран.

Документальная запись событий 1912–1914 гг. также свидетельствует о том, что в Европе не было реального международного механизма для решения серьезного военного кризиса. Все решения принимались небольшой группой людей, которые, в лучшем случае, прибегали к методам тайной дипломатии. Устойчивой традиции многосторонней дипломатии, призванной заниматься посредничеством или миротворчеством в международных конфликтах, просто не существовало к началу Великой войны. Две Гаагские конференции мира (1899, 1907) не смогли создать стабильных международных институтов. После Первой мировой войны появилась первая универсальная международная организация – Лига Наций, которая в 1946 г. передала свои функции поддержания мира ООН.

Тотальная война

Для историков, в том числе российских [6, с. 3], Первая мировая война всегда представляла большой интерес, и войну они изучали с разных сторон. Однако если обратить внимание на главные тренды в историографии Первой мировой войны, то заметна смена приоритетов и акцентов в исследованиях историков. Сначала войну исследовали в мировой историографии в целом, а также с точки зрения военного опыта и дипломатических событий (1920–1950). В 1960-е гг. заметно повысился интерес историков к социальной истории Первой мировой войны. С середины 1970-х гг. историков начинают интересовать антропологические проблемы Великой войны: человек на войне. Таким образом, научная парадигма смещалась от войны генералов, политиков и дипломатов к исследованию войны женщин, рабочих, крестьян, войны городов, то есть социальных структур, групп и изменений в их положении. А затем на очереди было иссле-

дование войны солдат и других простых людей: социокультурная история фронтовиков, война горожан: социальная и культурная жизнь европейских и других городов и т. д.

Многие из новых подходов и поворотов в мировой историографии давно стали частью интерпретаций российских историков. Тем не менее, есть одна концепция истории Первой мировой войны, которая остается недооцененной российскими историками, хотя дискуссии на эту тему продолжаются [8]. Несколько лет назад мы обратили внимание коллег, прежде всего учителей истории, на важный инструмент изучения Первой мировой войны – концепцию тотальной войны, предложенную английским историком А. Марвиком [10]. Действительно, в последние три десятилетия Первую мировую войну, как, впрочем, и Вторую мировую, многие историки предлагают рассматривать с точки зрения концепции «тотальной войны». Этот термин исследователи используют не только для того, чтобы описать сущность мировых войн, но и для того, чтобы отличать эти войны от других конфликтов.

Сама концепция тотальной войны стала продуктом развития новой социальной и новой экономической истории в 1960-х гг. Однако термин *тотальная война* намного старше. По крайней мере, известно, что генерал Э. Людендорф употреблял этот термин сначала в своих мемуарах в 1919 г., а потом в известной книге «Тотальная война» [7]. Во время Второй мировой войны нацистский министр пропаганды И. Геббельс запугивал союзников «тотальной войной» в речи, произнесенной в феврале 1943 г. Однако это было скорее чисто военное и ритуальное, а не концептуально-историческое применение этого термина.

В настоящее время термин «тотальная война» в историографии стал скорее синонимом идеи о войне как ускорителе далеко идущих социальных изменений и последствий. Первую мировую войну сравнивают с другими конфликтами XX в. прежде всего в военном отношении. Вместе с тем, в дискуссиях высказывается оценка в отношении Первой мировой как войны, относящейся к другому типу конфликтов, и поэтому она «не была «тотальным» вооруженным противостоянием в полном смысле слова» [8, с. 16].

На наш взгляд, использование концептуального подхода к Первой мировой войне как тотальной не исчерпало свою плодотворность. Эта концепция позволяет понять войну как глубокое социальное потрясение, принесшее беспрецедентные разрушения, серьезное испытание всех социальных, экономических и политических институтов государств, мобилизацию на борьбу с врагом всех групп населения и травматический психологический опыт, который вынесли из войны общества. К этому надо добавить еще один важный признак тотальной войны: разрушение не только социальной сферы, но и вторжение в приватное, частное пространство, разлом человеческих жизней.

Иными словами? главными игроками в тотальной войне были общества в целом. А результаты тотальной войны – глубокие социальные перемены.

Считается, что в Первой мировой войне погибли 12 млн и более 20 млн получили серьезные ранения, 5 млн

вдов, 9 млн детей остались сиротами. Первая мировая война привела к серьезным демографическим переменам, прежде всего в европейских странах и России.

К этим жертвам, скорее всего, надо прибавить умерших от знаменитой «испанки» – пандемии тяжелой формы гриппа, поразившей практически весь мир в 1918–1919 гг. По оценке историков, от «испанки» погибло около 30 млн во всем мире.

Все это привело к структурным изменениям в глобальной экономике, и после войны многие страны долгое время не могли укрепить курсы своих национальных валют. Вместо складывавшегося до войны единого финансового рынка образовались различные экономические зоны, стремившиеся защитить свои валютные системы. Все это в конечном итоге привело к хаосу и кризису – «Великой депрессии» (1929). Только США, как одна из крупных держав, вышла из войны, не имея долгов, и превратилась в мирового кредитора. Однако и США пострадали от финансового кризиса в 1929 г.

Тотальная война изменила положение не только рабочих, но и других социальных групп, например, женщин. Возросло количество женщин-работниц в тех профессиях, которые считались ранее сугубо мужскими. Война изменила даже такую сферу жизни людей, как досуг: например, историки заметили, что резко выросло посещение кинотеатров во всех странах. Вместе с тем, во время войны был отмечен также рост преступности в крупных городах.

Итак, концепция тотальной войны остается важным и полезным инструментом изучения Первой мировой. Она помогает осмыслить войну в контексте всемирной истории и эффективно передавать знания истории следующему поколению в рамках образовательного процесса, а также формировать правильные образы в контексте публичной истории.

Война и историческая память

«События, подобные Первой мировой войне, должны сохраняться в коллективной памяти, в противном случае они могут повториться», – этот тезис можно обнаружить в текстах о Великой войне не только сегодня. Эта мысль повторялась в дискурсах, появившихся и двадцать и сорок лет назад. Много раз историки и журналисты искали аналогии в современных им событиях с кризисом в июне-июле 1914 г.

С памятью о Великой войне дело обстоит, прямо скажем, не очень хорошо. Нельзя утверждать, что Первую мировую забыли историки. Количество книг по этой теме насчитывает десятки тысяч. Однако из памяти обычных людей война, естественно, после ухода из жизни поколений участников события постепенно стиралась. Вспомним бравого солдата Швейка. Швейки-свидетели долго рассказывали своим детям и внукам о войне. В памяти простых европейцев закрепились образы войны, связанные с окопами, газовыми атаками, цветущими маковыми полями, могилами французов, бельгийцев, молодых англичан, австралийцев и немцев на чужбине.

В некоторых странах сохранилось почитание ветеранов. Например, в Великобритании и США день окончания войны – 11 ноября, отмечается как День

ветерана, хотя мало кто из современников помнит, о каких ветеранах идет речь. За исключением, пожалуй, нескольких стран Британского содружества. Дело в том, что в Австралии и Новой Зеландии война стала причиной консолидации национальной идентичности. Например, в австралийских семьях до сих пор помнят о том, как многие молодые мужчины ушли добровольцами в армию Британии и полегли в битве у Галлиполи в 1915. В связи с этим день подписания перемирия 11 ноября называют в разных странах Днем поминовения, Днем перемирия, Днем ветеранов, Днем маков, Всенародным Днем скорби.

Англичане давно уже не помнят, что «Закон о защите королевства» от 8 августа 1914 г. ввел странные запреты и правила, некоторые из которых сохранились и до настоящего времени. Например, закрытие пабов или прекращение продажи крепких спиртных напитков в дневные часы. В 1914–1918 гг. заведения закрывали, чтобы рабочие военной промышленности не отвлекались, и не уходили раньше положенного с работы. Гражданам нельзя было звонить в колокола. Нельзя было покупать бинокли. Нельзя было давать хлеб лошадям и птицам, например, кормить голубей на площадях Лондона. Послевоенные поколения англичан долгое время не понимали, почему, по крайней мере, до середины 1970-х гг. в театрах перед началом спектаклей исполнялся государственный гимн. А еще по этому закону была введена строгая цензура и чтение писем граждан. Часть этих правил военного времени сохранилась и после войны, но многие из следующих поколений англичан просто не помнили причин их соблюдения и относили это к обычным чудачествам британцев.

Историки часто называют Первую мировую войну неизвестной. Британский историк Ш. Макмикин назвал историю Первой мировой «глубоко замороженной» в России [5, р. 2]. Несмотря на эксцентричность концепции Ш. Макмикина, возлагавшего на Россию ответственность за начало войны, он был прав в оценке памяти о войне, потому что в российской историографии Первая мировая война оказалась в тени революции 1917 г., затем Гражданской войны, а затем Великой отечественной войны 1941–1945 гг.

Примерно такую же картину мы можем наблюдать в исторической памяти современных немцев. В Германии, конечно, существовала память о поражении в Первой мировой. Она послужила социальной основой прихода нацистского режима А. Гитлера. Однако Вторая мировая война, точнее, вина за нацистские зверства, преступления против человечности и холокост, заслонила войну 1914–1918 гг. в памяти современных немцев.

В современной КНР отмечают в 2014 г. сразу две памятные даты: 120 лет с начала Японо-Китайской войны и 100 лет с начала Первой мировой. Первая дата, естественно, важнее, потому что Китай утратил после поражения от Японии остаток международного суверенитета, раздал целый ряд приморских территорий в концессии на основе унизительных соглашений с иностранными державами. В Первой мировой Китай практически не участвовал.

Многое меняется в современной России, и память о Великой войне возвращается. В прошлом 2013 г. в Рос-

сии впервые отмечали 1 августа как День памяти воинов, погибших в Первой мировой войне. 1 августа 2014 г. на Поклонной горе в Москве был открыт Монумент героям, павшим в годы Первой мировой войны. Президент РФ В. В. Путин произнес важные слова: «Памятник воинам Первой мировой – не только дань великим подвигам. Это предостережение о том, что мир хрупок, напоминание всем нам об этом. И мы обязаны беречь мир, помнить, что самое ценное на земле – мирная, спокойная, стабильная жизнь!» [9]

Масштабные мероприятия, посвященные столетию Первой мировой, десятки научных форумов и семинаров помогают изменить контекст коллективной памяти и публичной истории в России.

Библиографический список

1. Гашек, Я. Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны [Текст]. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1963. – 800 с.
2. Clark, C. The Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914 [Text]. – London: Allen Lane, 2013. – 696 p.
3. Fussel, P. The Great War and Modern Memory [Text]. – New York and London: Oxford University Press, 1975. – 363 p.
4. History Today [Text]. – 2014. – Vol. 64. – No 4. – P. 2–2.
5. McMeekin, S. The Russian Origins of the First World War [Text]. – London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2011. – 324 p.
6. Козенко, Б. Д. Отечественная историография Первой мировой войны [Текст] // Новая и новейшая история. – 2001. – № 3. – С. 3–27.
7. Людendorф, Э. Тотальная война [Текст]. – М., 1936.
8. Магадеев, И. Э. Первая мировая война как тотальная война [Текст] // Новая и новейшая история. – 2014. – С. 3–16 с.
9. Открытие памятника героям Первой мировой войны [Электронный ресурс]. 1 августа 2014. Сайт Президента России. – Режим доступа: URL: <http://www.kremlin.ru/news/46385> (дата обращения 01.09.14)
10. Ходнев, А. С. Великая война в зарубежной историографии [Текст] // Преподавание истории в школе. – М., 2000. – № 10. – С. 16–21.

Bibliograficheskiy spisok

1. Gashek, Ja. Pohozhdenija bravogo soldata Shvejka vo vremja mirovoj vojny [Tekst]. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1963. – 800 s.
2. Clark, C. The Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914 [Text]. – London: Allen Lane, 2013. – 696 p.
3. Fussel, P. The Great War and Modern Memory [Text]. – New York and London: Oxford University Press, 1975. – 363 p.
4. History Today [Text]. – 2014. – Vol. 64. – No 4. – P. 2–2.
5. McMeekin, S. The Russian Origins of the First World War [Text]. – London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2011. – 324 p.
6. Kozenko, B. D. Otechestvennaja istoriografija Pervoj mirovoj vojny [Tekst] // Novaja i novejšhaja istorija. – 2001. – № 3. – S. 3–27.
7. Ljudendorf, Je. Total'naja vojna [Tekst]. – M., 1936.
8. Magadeev, I. Je. Pervaja mirovaja vojna kak total'naja vojna [Tekst] // Novaja i novejšhaja istorija. – 2014. – S. 3–16 s.
9. Otkrytie pamjatnika gerojam Pervoj mirovoj vojny [Elektronnyj resurs]. 1 avgusta 2014. Sajt Prezidenta Rossii. – Rezhim dostupa: URL: <http://www.kremlin.ru/news/46385> (data obrashhenija 01.09.14)
10. Hodnev, A. S. Velikaja vojna v zarubezhnoj istoriografii [Tekst] // Prepodavanie istorii v shkole. – M., 2000. – № 10. – S. 16–21.